

«ЭНЕИДА» ВЕРГИЛИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ «РИМСКОГО МИФА»

В формировании концепции «римского мифа» в эпоху Октавиана Августа большую роль сыграла деятельность выдающихся поэтов того времени – Квинта Горация Флакка и Публия Вергилия Марона. В своих произведениях они отразили главные компоненты «римского мифа» – провиденциальную миссию Рима, установление «римского мира» – эпохи всеобщего благоденствия и процветания, величие императора Августа, вернувшего на землю «золотой век». Одним из таких символических произведений, где «римский миф» звучит наиболее ярко, является знаменитая поэма Вергилия «Энеида».

Уже в древности, по сообщению Светония Транквилла, поэму высоко оценили современники Вергилия, сравнивая ее с творениями Гомера – отца античного эпоса [Вергилий, 21, 30]. Тот же Светоний указывал, что император Август даже цитировал «Энеиду» в публичных местах [Бож. Авг., 40, 5] и по его приказу поэма была издана после смерти Вергилия [Вергилий, 38, 41]. Нигде более в античной литературе не звучит так пафосно идея о великой, всемирно-объединяющей миссии Рима, как в «Энеиде». В связи с этим поэму можно смело назвать одним из тех краеугольных камней, на которых зиждилось все здание «римского мифа».

Текст «Энеиды» проникнут глубоким чувством римского патриотизма. Поэт считает, что Рим не обычный город, каких сотни, а именно тот, который боги избрали не только в качестве своего земного жилища [Энеида, VIII, 351- 352], но и для главенства над миром [Энеида, VII, 98-101]. Вергилий сформулировал идею миродержавства Рима в краткой, но блестящей формуле [Энеида, VI, 851-853]: «Римлянин! Ты научись народами править державно – / В этом искусство твоё! – налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!».

Идея создания такого Города, по мнению Вергилия, вынашивалась богами очень давно, и, несмотря на то, что в мире было много и других довольно сильных городов [Энеида, I, 13-18], они предпочли создать новый сильнейший город и поселиться в нем все вместе [Энеида, XI, 232], чтобы сообща заботиться о его благе. В качестве основателя боги избрали Энея, сына Венеры; именно ему даётся множество предсказаний и пророчеств о великом будущем римлян и их Города [Энеида, I, 267-293; VI, 756-853; VII, 98-101; IX, 446-449]. Все эти откровения должны убедить читателя в том, что Рим создан и достоин править другими народами [Энеида, VIII, 63-65].

Вергилий считал, что именно благодаря Октавиану Августу в Рим опять вернется расположение богов и мир, а среди прочих народов распространится римское господство [Энеида, VIII, 720-721]. Таким образом, Вергилий неразрывно связывал судьбу Римской державы с правлением одного человека – Августа, – который при помощи богов сможет вернуть государству и народу «золотой век».

К сказанному следует добавить и еще один принципиальный момент. В представлении классической античности время носило циклический характер; господствовало представление о сменяющихся друг друга веках – от золотого до железного. Однако у Вергилия мы находим в корне отличную концепцию исторического времени, связанную с миссией Энея. Для Вергилия падение Трои и скитания Энея имеют определённую цель: возникновение Рима. История Рима также целенаправленна: держава должна распространить свою власть вширь и объединить мир для того, «чтобы в некий кульминационный момент произошел великий слом и воцарился бы общий мир и справедливость» [2, с. 317]. В связи с этой конструкцией меняется и концепция исторического времени: у Вергилия мы находим **целенаправленность** исторического времени. Поэт отказался не только от мифа о вечном возвращении, но и вообще от представления о цикличности исторического времени: оно приобретает у него линейный характер [2, с. 320]. Таким образом, если, античному мифологическому сознанию свойственна повышенная оценка *прошлого*, то в «Энеиде» высшая ценность приписывается не прошлому, но *будущему*.

В Риме история считалась конкретно воплощенной в Римском государстве и его судьбе. Вергилий на этой идее построил всю свою концепцию «Энеиды». Залогом наступления нового, «золотого» века оказывается вся римская история, все деяния Энея и героев

следующих за ним поколений, которые служат Риму не столько во имя настоящего, сколько во имя грядущего. А римский народ становится носителем великой исторической миссии всемирного обновления – и поэтому становится «избранным народом» в библейском смысле этого слова [2, с. 323]. Можно даже провести знаменательные внешние аналогии с ветхозаветным преданием: сравнить странствование Энея из Трои в Италию с библейским сюжетом об исходе Израиля из Египта в Землю Обетованную или со странствованием Авраама [2, с. 321]. Таким образом, необходимо отметить и то, что в своей «Энеиде» Вергилий выступает и как в определенной степени религиозный мыслитель [2, с. 329].

Литература:

1. Вергилий. Энеида // Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. – М., 1971.
2. Ошеров С.А. История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия // Античность и современность. – М., 1972. – 504 с. – С. 317-329.
3. Светоний Гай Транквилл. Божественный Август // Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. – М., 1966. – С. 35-75.
4. Светоний Гай Транквилл. Вергилий // Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. – М., 1966. – С. 237-241.
5. Сергеев Д.Д. Представления о государстве и государственной власти римских писателей эпохи Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры: Сборник научных статей / Под ред. И.Я. Фроянова. – СПб., 1998. – С. 294-308.